

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ОСОБЕННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Решетникова Наталья Сергеевна, кандидат философских наук
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: natalyareshetnikova@yandex.ru

Статья посвящена особенностям проявления национального самосознания в русской философской мысли XIX – начала XX в., которое рассматривается как часть интеллектуальной культуры России. В процессе исследования выявляется, что проблемное поле интеллектуального дискурса, несмотря на то, что носит достаточно разносторонний характер, весьма устойчиво и находит своё выражение, в том числе и в современной интеллектуальной культуре. Традиционными становятся рефлексия по поводу собственной идентичности, мессианские устремления, проблема взаимоотношений с европейской культурой, попытки определения места России в европейской цивилизации, своеобразное проявление образа прошлого. Постоянное стремление к самопониманию, обозначенное русскими мыслителями в качестве одной из основных ментальных особенностей российской цивилизации, становится важной национальной чертой и выражается через ряд обозначенных аспектов. По нашему мнению, их философская реализация является своеобразным аттрактором русского интеллектуального дискурса и не утрачивает своей актуальности в современной культурно-философской мысли. В качестве резюме отмечается, что особенности национального самосознания как значимой части интеллектуальной культуры формируют ментальное ядро культурно-цивилизационной специфики России, находят отражение во многих сферах жизни общества, проявляются в базовых ценностях.

Ключевые слова: национальное самосознание, идентичность, интеллектуальный дискурс, культура, цивилизация, менталитет, культурно-цивилизационное своеобразие

NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS AS A PECULIARITY OF INTELLECTUAL CULTURE OF RUSSIA

Reshetnikova Natalya S., Ph.D. (Philosophy)
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: natalyareshetnikova@yandex.ru

The article is devoted to the peculiarities of the manifestation of national self-consciousness in Russian philosophical thought of the XIX – early XX centuries, which is regarded as part of the intellectual culture of Russia. In the process of research it is revealed that the problem field of intellectual discourse, despite the fact that it is of a sufficiently versatile nature, is very stable and finds its expression, including, in modern philosophical thought. Traditional become a reflection about their own identity, messianic aspirations, the problem of relations with the European culture, attempts to determine the place of Russia in European civilization, peculiar manifestation of the image of the past. The constant striving for self-understanding of Russian thinkers designated as one of the main mental characteristics of Russian civilization and has become an important national trait, which is expressed through a number of identified issues. According to the author, their philosophical realization is a kind of attractor Russian intellectual discourse and does not lose its relevance in today's culture and philosophical thought. In summary noted that the characteristics of the national consciousness as a significant part of the intellectual culture of the mental form the core of the cultural and civilizational specifics Russia are reflected in many areas of society, manifested in the core values.

Keywords: national consciousness, identity, intellectual discourse, culture, civilization, mentality, cultural and civilizational identity

Проявление общественного (национального) самосознания, активно реализующегося в русской философской мысли XIX – начала XX в., предстаёт как своеобразная черта интеллектуальной культуры России. При этом проблемное поле интеллек-

туального дискурса, несмотря на то, что носит достаточно разносторонний характер, весьма устойчиво.

Как известно, общественное самосознание, понимаемое в культурном, а не в этническом смысле и содержащее представления общества о себе, предполагает осознание и самовосприятие себя как целого, находящегося в некой среде, как носителя особого сознания. Эти представления о себе, самоидентификация, раскрывается посредством поиска ответов на вопросы о собственном прошлом, предназначении (уникальности), особенностях социальной организации и т.п. Именно философская реализация этих мифологем становится своеобразным аттрактором русского интеллектуального дискурса.

Пик обсуждения проблемы самосознания в русской философии и литературе приходится на XIX – начало XX в., что связано с пробуждением национального самосознания в XIX в., повлекшим за собой небывалый расцвет русской культуры и философии. Предпосылкой этому явлению послужил целый ряд культурно-исторических факторов: победа России в Отечественной войне 1812 г., восстание декабристов, обнажившее кризис внутренней политики России, творческий гений А.С. Пушкина, благодаря которому культурные достижения России впервые были выведены на мировой уровень, а также влияние немецкой классической философии, проявившееся в деятельности философских кружков, ставших прародителями двух основных мировоззренческих направлений – национально-религиозного (славянофилы) и социально-демократического (западники). Всё это, с одной стороны, включало Россию в культурную парадигму Европы, но, с другой, обнажало мировоззренческие противоречия как внутри самой России, так и между Россией и Западом.

По объективным причинам проблема общественного самосознания практически не поднималась в русской философской мысли с 20-х гг. XX в. и вновь заявила о себе только в конце XX в. Как известно, проблема самопонимания и необходимость рефлексии возникают лишь тогда, когда сталкиваются ментальности, принадлежащие принципиально разным культурам и цивилизациям. Подобные столкновения вошли в плоть и кровь российской цивилизации с самого начала её становления как через полиэтничность изначального культурного субстрата, так и посредством цивилизационных столкновений – военных и культурно-экономических связей, на которые был так богат XIX в.

Отсюда ведёт свое начало отмечаемое русскими мыслителями в качестве одной из основных ментальных особенностей российской цивилизации постоянное стремление к самопониманию – утверждению «самости», ставшее важной национальной чертой. Эта черта в полной мере нашла отражение и на уровне философской рефлексии, в феномене постоянства русских поисков собственной идентичности или, говоря словами Н.А. Бердяева, поисков ответов на вопрос, что замыслил Творец о России [1, с. 5]. По словам И.Я. Левяша, «этот поиск продолжается в течение столетий и, начиная по меньшей мере с XIX века, он становится проблемой для самой России. И в начале XXI века ...Россия заново определяет свою идентичность и собственный способ существования в современном мире» [5, с. 8]. Польский философ М. Брода назвал эту особенность «русскими поисками собственной сути», определёнными императивом «Понять Россию», а заодно и «понять себя», сложившимися в определённый тип самопонимания, «издавна культурно и ментально закреплённый, очень значительный для её культурной традиции» [2, с. 29]. Действительно, постоянство поисков себя традиционно для русской интеллектуальной культуры.

Изучая формирование общественных представлений, философы отмечают, что основу российского национального самосознания составляет русская духовная культура, как общее пространство концептосферы, и своеобразное ядро этой культуры – православное христианство [4, с. 31–48]. Почему этот фактор выступает знаковым?

Для русского сознания религиозная характеристика Запада доминировала над его национально-политическими и культурными особенностями и ментально отделяла Русь от Запада. Как отмечает В.В. Зеньковский, «церковная и культурная неуступчи-

вость не были только зловещим симптомом замыкания в самих себе, но в них с полной уже ясностью выступает и мотив “самобытности”», творческий замысел раскрытия и исторического проявления “своего”» [3, с. 12–13], выступавший фактором национальной и культурной самоидентификации и основой идеи культурной уникальности.

В рамках менталитета православие сыграло основополагающую роль в формировании такого своеобразного ментально-культурного феномена, как мессианство (избранничество), в форме которого нашли выражения представления о собственной культурной уникальности. Под мессианством понимается заложенная в христианстве мессианская идея, в соответствии с которой собственное культурное своеобразие осознается как специфическая православная миссия. Исторически возникновение этого феномена восходит к известной мифологеме «Москва – Третий Рим», причём изначально идея имела только теологический смысл, т.е. обосновывала возможность русского государства быть прибежищем истинного христианства, но затем произошло смещение акцента с религиозного на национально-идеологический. Это даёт основание предположить, что уже в истоках русского национального самосознания зарождалась потребность вовлечения страны в общеевропейский ход истории на правах уникальности её мессианской задачи. Н.А. Бердяев отмечает, что после народа еврейского русскому народу наиболее свойственна мессианская идея, которая проходит через всю русскую историю вплоть до коммунизма.

И.Н. Сиземская выделяет основные черты, присущие русскому мессианизму: устремление на единение вселенского с исторически-конкретным, перерождение мессианского сознания в ложный национализм и ожидание Царства Божия на земле, реализованное в идее праведного общественного устройства [6, с. 39–52].

По нашему мнению, подобной особенностью национального самосознания могут быть объяснены, казалось бы, диаметрально противоположные феномены русской культуры. Этот аспект найдёт проявление в разных ипостасях. Не раз докажет свою живучесть идея спасения мира. Например, она активно будет разрабатываться философской мыслью XIX в., в частности, К.Н. Леонтьевым, видевшим смысл исторического существования России в спасении культурных ценностей погибнувшей Европы, и Н.Я. Данилевским в теории создания общеславянского союза государств под эгидой России с целью освобождения славянских народов от западной агрессии. Она мощно прозвучит в русской классической литературе, и основной русской темой станет не творчество совершенной культуры, а творчество лучшей жизни, преобразование действительности.

Помимо литературной и философской, эта черта мессианского самосознания найдёт и вполне конкретную историческую реализацию. Например, в советской России, весьма далекой от христианской идеологии, она получит проявление в ощущении национального превосходства, в форме «русский народ – не хозяин, но первый среди равных». Этот факт может выступить отдельным аргументом в теориях причин распада Советского Союза. В постсоветский период можно вспомнить попытку реанимировать идею превосходства в форме создания так называемого Союза Независимых Государств, так и не преодолевшего формальности своего образования и не ставшего реальной политической единицей.

Кроме того, идея мессианства, заложенная в мифологеме «Третьего Рима», выполняет в общественном самосознании функцию формирования образа культурной уникальности. С течением времени эта идея примет культурную парадигму и, несмотря на свою внутреннюю противоречивость, получит вполне конкретную реализацию в отдельных проявлениях и вне религиозного контекста – в истории современной российской цивилизации.

Следующий аспект утверждения самости – это познание себя через образ *Другого, не-Я*. В российском обществе она предстанет как проблема взаимоотношений с европейской культурой, культурно-исторического призвания русского народа, как задача поиска культурных связей с европейскими народами, определения места России в европейской

цивилизации, что станет ведущим мотивом русского самосознания, выльется в спор славянофилов и западников о судьбе России, разовьётся в идею высшего культурного синтеза. По словам В. Зеньковского, «проблема Запада тревожила и привлекала к себе внимание русских людей... В свете того, как шло развитие русской культуры в XVIII–XX вв., совершенно ясно, что проблема Запада не случайна для России, что в её путях встреча ... с Западом была неизбежна и необходима» [3, с. 12–13].

В зависимости от исходных теоретических предпосылок можно выделить несколько способов решения проблемы взаимоотношения Россия и Европы как проблемы Судьбы России и осмысления её места во всемирной истории: 1) в традиции мессианских идей и противопоставления России и Запада; 2) в традиции утопически-мессианской идеи справедливого социального устройства; 3) как проблемы культурной миссии России в качестве особого исторического типа; 4) в русле мессианской идеи, сопряжённой с идеей единства общечеловеческой культуры.

Решение проблемы в *традиции мессианских идей и противопоставления России и Запада* носит метаисторический характер. Подобный взгляд присущ концепциям П.Я. Чаадаева и славянофилов. Взгляды П.Я. Чаадаева на Россию и её место в мире прошли эволюцию от полного самоотрицания, неверия в какой бы то ни было смысл её исторического существования и полного противопоставления Востоку и Западу, до мессианских идей. По мысли Н.А. Бердяева, эта эволюция была диалектическим моментом в развитии русской идеи и имела особый смысл в развитии русского самосознания, которое должно было пройти через горькое самоотрицание [1, с. 43]. Мессианская идея, высказанная П.Я. Чаадаевым, станет основной проблемой в размышлениях всех философских течений XIX в. По его мнению, преимущество девственной почвы России даёт ей не только возможность выбора, но и все предпосылки для того, чтобы занять высшее положение в духовной жизни Европы, реализовать своё историческое призвание в решении большей части социальных проблем. Polemika, начатая философом, реализуется и с точки зрения славянофильских, и с точки зрения западнических идей, разовьётся до концепций культурно-исторического типа и придёт к идее единства человеческой культуры.

Славянофилы стремились религиозно понять судьбы России и Европы. Как убеждённые защитники русского своеобразия, они противопоставляли Россию и Европу на основе характеристик духовных типов, сердцевину и творческую основу которых видели в вероисповедании, а не на характеристиках реальной истории.

Но уже в самом этом противопоставлении была заложена идея единения: миссия России, по мнению представителей славянофильства, реализуется в общечеловеческой истории, следовательно, Россия призвана решить задачу высшего синтеза и примирения различных начал, выступивших на Западе, в оздоровлении Запада духом православия и общинных идеалов, в том, чтобы поведать Западу тайну свободы от католического рационализма. При всей остроте и напряжённости критики Запада представители славянофильства не только не отрицали огромной роли западной культуры, как в истории России, так и в мировой цивилизации, но и признавали свою любовь к нему.

Наиболее типично славянофильские идеи демонстрирует учение И.В. Киреевского. Несмотря на то, что философ противопоставляет Россию и Европу по целому ряду параметров (духовные основания, социальное устройство, наука, образование и формы собственности), его философские взгляды базируются на идее единения в синтезе с мессианизмом. По его мнению, задача созидания цивилизации будущего состоит в том, чтобы высшие начала православной религии соединились с европейским просвещением и наполнили его высшим смыслом и привнесли идею развития. А великое назначение России – быть столицей государств, духовным вождем Европы. Его идеи, в том числе идея «цельности», получают разработку в трудах В.С. Соловьёва и Н.А. Бердяева.

Следующий вариант решения проблемы взаимоотношения России и Европы – в традиции утопически-мессианской идеи справедливого социального устройства предложен западниками, представителями социалистических течений, «теории прогресса» и русского марксизма.

В учении представителя революционно-социального крыла западничества, предшественника русского марксизма В.Г. Белинского впервые субъектом и целью истории была объявлена не мировая гармония, а личность и справедливая действительность во имя человека. Мыслитель считал Россию синтезом всех элементов и решал вопрос её предназначения сквозь призму антропологизма. Для него будущее России в социализме, который он понимал как радикальное изменение действительности во имя личности. Утопичность идей, высказанных Белинским, не исключает огромной роли провозглашения субъекта целью истории в развитии русского самосознания и получит развитие в философских взглядах последующих мыслителей. Через идею антропологизма реализуют идею справедливого социального устройства Н.К. Михайловский: совершенное общество, по его мнению, состоит из всесторонне развитых личностей, способных к взаимопониманию, взаимоуважению и общим усилиям ради достижения счастья.

У А.И. Герцена проблема пути России прозвучит в идее минования западных путей индустриального капиталистического развития и воплощения справедливейшего социального устройства, общинного социализма, противоположного мещанским идеалам Запада. Помимо мещанских устремлений Герцен ставил в вину Европе политические катаклизмы, революции, которые разрушили веру, не осуществив свободу, зажгли в сердцах желания, которые были не в состоянии исполнить. Н.Г. Чернышевский, призывая к революционному пути перехода к социализму, положительно оценивал опыт Европы: по его мнению, ни одно европейское государство не смогло бы сохранить своего устройства, не опираясь на силу оружия. Он не признавал идею избранности народов, в том числе России, усматривая в этом причину национальных противоречий. Эта мысль философа, на наш взгляд, не лишена серьёзного основания. Мысль Н.Г. Чернышевского о необходимости социалистической революции как пути развития России продолжает П.Л. Лавров, считавший, что именно таким образом может быть достигнута социальная справедливость. При этом мессианская роль стать первой страной, осуществившей социальную революцию, должна принадлежать России, имеющей для этого необходимую предпосылку в форме деревенской общины. Идея социальной революции смещала европейские прогрессистские теории.

Постановка вопроса об исторической миссии России изначально связывалась мыслителями данного толка с судьбами Запада как разрешение и завершение его истории, приобщение к европейской цивилизации, следование по пути общечеловеческого прогресса. Изначально идеалом выступали основы европейского социального устройства – демократия и свобода личности. Но, пережив глубокое разочарование в Европе, западники отталкиваются от Европы и в том, чего не должно быть в России (общества потребления, мещанства), и в том, что должно быть построено (общинный социализм). Таким образом, прослеживается диалектика идей от восхищения Западом к преодолению его социального устройства, отталкиванию от Европы при разработке альтернативных идей совершенного социального устройства, как российского, так и общемирового, так как некоторым учениям также свойственна мессианская вера в Россию.

Вопрос взаимоотношения с западным миром решался как *осознание культурной миссии России в качестве особого исторического типа* евразийцами, Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым. Согласно их концепциям, Россия должна стать центром восточнославянской либо евразийской культуры, реализуя один из вариантов интегративной культурной модели.

Полное отрицание Европы, несвойственное даже славянофилам, находим у евразийцев. При решении вопроса исторического призвания и межкультурного диалога на первый план в их концепции выходит взаимодействие с азиатским миром, также чрезвычайно важным для России. (Заметим, что их позиция сближается с той, которую заняла Советская Россия по отношению к Восточному миру.) При этом все периоды сближения России с европейским миром рассматриваются евразийцами как аномалия, а обращение к Востоку, Азии – как шаг духовного самоутверждения. Наиболее обобщённой формой человечества, по мнению Н.С. Трубецкого, должна стать Россия-Евразия, представляющая рычаг в планетарном противостоянии Западу. Мыслители призывают освободиться от влияния европейской культуры, основной грех которой состоит в стремлении нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия, в жадности к земным благам. Несмотря на категоричность идей, высказанных представителями евразийства, их учение, на наш взгляд, имеет огромную ценность, которая состоит в том, что историческим субъектом в евразийской концепции впервые в истории русской социально-философской мысли выступает не славянский, а евразийский полиэтничный мир. Таким образом, в учении евразийцев не только закладываются основы нового – цивилизационного – самосознания и перехода к иному уровню ментальности, но и предопределяется тенденция XX в. к глобализации пространства, идеи культурного синтеза.

По мнению Н.Я. Данилевского, Россия должна стать центром восточнославянской культуры для того, чтобы, образовав славянскую федерацию, спасти от европейской агрессии братские народы. По мнению же К.Н. Леонтьева, не только для общеславянской независимости, но, возможно, и для помощи самой Европе, вступившей на путь эгалитарно-либерального процесса, т.е. упадка. Заметим, что возможность славянского союза вызывала у философа серьёзные сомнения из-за отсутствия сложившейся *идеи славизма*, как, кстати, и то, является ли Россия самостоятельным культурно-историческим типом или в качестве своеобразного мира входит в европейский. Кстати, его вера в будущее русского народа и России впоследствии серьёзно пошатнется, процессы упадка мыслитель увидит и в современной ему России, и прозвучат пророчества о грядущей русской революции и наступлении царства антихриста.

Взгляды двух философов сходятся в идее ментальной близости России восточному миру, но отношение к западной цивилизации прямо противоположно: враждебное, политически-противоборствующее у Н.Я. Данилевского и восхищенное у К.Н. Леонтьева, который не только не питал вражды к Европе, но с грустью истинного поклонника красоты не раз сожалел, что её былая творческая мощь иссякает. Особую же значимость, на наш взгляд, имеет тот факт, что у К.Н. Леонтьева можно обнаружить попытку принципиального выхода за рамки дихотомии «Россия – Европа», заметить не только их противопоставление, но и взаимозависимость и общность, которая обусловлена и общностью византийского праисточника, и универсальными закономерностями. Таким образом, преобладание познавательного изучения в категориях социологических универсалий позволило мыслителю на научной основе создать своеобразную концепцию перехода к идее общечеловеческой культуры.

Эта идея активно развивается последующими философами, которые решали вопрос межкультурного диалога и призвания России в *русле мессианской идеи, сопряжённой с идеей единства общечеловеческой культуры*. Подобный подход характеризует взгляды Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева. Их концепции объединяет стремление к культурному и духовному единению России и Европы, взгляд на Россию как на потенциальный духовный центр мира, целостное единство Востока и Запада. Почвенничество Ф.М. Достоевского глубоко связано с идеей примирения противоположностей России и Запада. Мыслитель считает, что благодаря своей способности к высокой синтетичности, всепримиримости Россия, как необыкновенное явления в истории человечества, готова вернуть в мир идею общечеловечности, ко-

торая всё более и более стирается, так как теряет силу соединявшая западные народы христианская связь. Восстановления этой связи – задача России.

В.С. Соловьёв воплощает идею высшего синтеза с всемирно-исторической точки зрения. Он создаёт теорию единого богочеловечества как субъекта исторического процесса, в русле которой решается вопрос взаимоотношения культур. Между Западом, как началом свободы, и Востоком, как началом солидарности, выдвигается славянский мир, которому и предстоит важнейшая всемирно-историческая задача восстановления единства, создания свободной вселенской теократии. Она, в свою очередь, должна быть основана на союзе государства и церкви и опираться на нравственную власть последней. Культурная же миссия великой российской нации будет состоять не в господстве, а в служении человечеству. Как видим, и в учении всеединства В.С. Соловьёва реализована русская мессианская идея.

Н.А. Бердяев также видит призвание России в том, чтобы явиться соединителем двух миров, единым Востоко-Западом. Но чтобы выполнить свою историческую миссию, России необходимо пройти через религиозный ренессанс путём освобождения духа от национальных, государственных, материальных начал, положить конец противостояния культур и стать центром и определяющей силой мировой духовной жизни. Заметим, что Н. Бердяев относит Россию к Востоку, а В.С. Соловьёв рассматривает как отдельный, пограничный славянский мир.

Как видим, проблема самопознания, как проблема русского пути и взаимоотношения России и Европы, развивается в отечественной философии от противопоставления и преодоления западной цивилизации к идее цельности мира через выделение России в отдельный культурно-исторический тип. В этой эволюции проявляется стремление к преодолению одномерности оппозиции рационального (аристотелевского) Запада и иррациональной (платоновской) России, выявляя синтезированное богатство всего спектра нюансов.

Идея ментальной цельности мира присуща современным мыслителям, считающим, что «более плодотворно и перспективно *акцентировать* не осознание отличия России и Запада ... во многом более “кажимо”, чем сущностного, а осознание ценностно-смысловой *общности* между ними – надежного гаранта не только взаимопонимания, но и взаимного восприятия России и Европы как “Своего-другого”» [5, с. 43]. Тем не менее, до настоящего момента развития российского самосознания проблема взаимоотношений не снята, более того, на современном этапе она принимает более сложный характер, несмотря на то, что с момента её постановки многое изменилось.

По словам В.В. Зеньковского, «живучесть и актуальность темы об отношении России к Западу определяется одинаковой неустранимостью двух моментов: с одной стороны, ... существенна неразрывность связи России с Западом и невозможность духовно и исторически изолировать себя от него, а с другой стороны, существенна бесспорность русского своеобразия, правда в искании своего собственного пути. Ни отделить Россию от Запада, ни просто включить её в систему западной культуры и истории одинаково не удастся. Частичные, предварительные синтезы намечались не раз..., но, видимо, не готова к этому ни историческая почва, ни внутреннее состояние духа...» [3, с. 63]. Мысль, высказанная В.В. Зеньковским, представляется заслуживающей внимания.

Своеобразной ментальной чертой в рамках самосознания русской культуры выступает отношение к прошлому. Оно традиционно выстраивается в антитезе «идеализация – забвение». Эта противоречивость подразумевает отношение к национальному прошлому либо как к «Золотому веку» русской культуры, либо полное отрицание предшествующего культурно-исторического периода, как позитивного, так и негативного его опыта. Но и в том, и в другом случае оно сопровождается ощущением полного культурного «разрыва», начала истории с нуля.

Подобный феномен наблюдается на протяжении всей российской истории. Каждый последующий период развития русской культуры в российской истории

является своеобразным самоотрицанием периода предшествующего. Московская Русь похоронила Русь Новгородскую, а Петербургская Россия стремилась к разрушению культуры Московской Руси. Советская Россия отрицала наследие Российской империи, а современная нам Россия отвергла многие достижения русской культуры советского периода. На уровне массового сознания это находит отражение в тенденциях формирования негативного образа прошлого. Но при этом одновременно существует значительная часть общества, которая идеализирует предшествующий период, усматривает причины неблагополучия в современных преобразованиях. Эта особенность массового самосознания хорошо просматривается на примере недавней истории: умонастроения дворянства в советской России и умонастроения старшего поколения бывших советских обывателей в постсоветской России. Своё выражение эта ментальная особенность находит и на уровне философской рефлексии, как в осознание отсутствия культурной преемственности, так и в идеализации и неприятии прошлого.

Заметим, что подобное выстраивание взаимоотношений с собственным прошлым феноменально и зачастую неоднозначно для российского национального самосознания из-за ощущения культурной дистанции, культурного разрыва, из-за особенности национальной памяти, желающей помнить отдельные героические моменты собственного прошлого и забывающей о самой важности исторической памяти – коллективных представлений об общем прошлом.

Резюмируя, отметим, что своеобразии реализации национального самосознания в русском интеллектуальном дискурсе сконцентрировано в следующих чертах: постоянном стремлении к поиску собственной идентичности; мессианстве как идее, выражающей представления о культурной уникальности и осознаваемой как специфическая культурная миссия – религиозная или идеологическая; отношении к национальному прошлому в традиционной антидеидеализации – забвение; познании себя через образ *Другого*, которое предстанет как проблема русского пути и взаимоотношения России и Европы, решаемая в отечественной философской идее множеством способов. Специфика познания Себя через образ *Другого* состоит в его диалектичности – развитии от противопоставления западной цивилизации (западники и славянофилы) через выделение России в отдельный культурно-исторический тип (органистические теории Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева) к идее цельности мира (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.Я. Левяш). На наш взгляд, особенности национального самосознания как значимой части интеллектуальной культуры формируют ментальное ядро культурно-цивилизационной специфики России, находят отражение во многих сферах жизни общества, проявляются в базовых ценностях, в институте государственной власти и политическом своеобразии.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – Москва : АСТ, 2007. – 286 с.
2. Брода, М. Русские вопросы о России / М. Брода ; пер. с пол. М. Гульчина. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – 301 с.
3. Зеньковский, В. В. Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. – Москва : Республика, 2005. – 368 с.
4. Ильинская, С. Проблемы формирования российского самосознания / С. Ильинская // Космополис. – 2006–2007. – № 2 (16). – С. 31–48.
5. Левяш, И. Я. Русские вопросы о России. Дискурс с М. Бродой / И. Я. Левяш. – Москва : Лабиринт, 2007. – 288 с.
6. Сиземская, И. Н. Мессианизм как форма русского самосознания / И. Н. Сиземская // Философские науки. – 2008. – № 7. – С. 39–52.

References

1. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [Russian idea]. Moscow, 2007, 286 p.
2. Broda M. *Russkie voprosy o Rossii* [Russian questions about Russia]. Moscow, 2005, 301 p.
3. Zenkovskiy V. V. *Russkie mysliteli i Yevropa* [Russkie mysliteli i Evropa]. Moscow, 2005, 368 p.